

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

**ЭССЕ
О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ**

«АКРОПОЛЬ»
Санкт-Петербург
1997

ББК 71.0

И 46

*Издательство выражает глубокую признательность
Вере Николаевне и Николаю Владимировичу Ильиным,
предоставившим архивные материалы и публикации
В. Н. Ильина для составления этой книги,
а также средства для ее выпуска.*

И $\frac{4401000000-024}{4П7(03)-97}$ Без объявл.

ISBN 5-86585-037-7

© В. Ильин,
наследники, 1997

© А. Козырsev,
вступительная статья,
библиография, 1997

© Издательство
«Акрополь», 1997

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ*

Вячеслав Иванович Иванов, которого Л. И. Шестов недаром прозвал «великолепным», намекая на красу Флоренции Лоренцо Великолепного, — несомненно, краса и великолепие русского Ренессанса и русской классической филологии, славистики и литературоведения, гениальный друг гениальных двух ученых и мыслителей — Фаддея Францевича Зелинского, профессора С.-Петербургского университета, и о. Павла Флоренского, профессора Московской Духовной академии и Московского университета. Это, можно сказать, целый «Пир», сияющее духовное солнце: тут и досократики, тут Сократ с Платоном, тут пифагорейцы, неопифагорейцы и неоплатоники, тут и дивное духовное солнце Достоевского в окружении меньших светил.

Вячеслав Иванов прежде всего один из величайших русских поэтов по культуре и по неподобному мастерству и звучанию стиха и его инструментровке, автор несравненного сборника «*Cog ardens*», которым, кажется, нельзя вдоволь начитаться. Но сверх того он блестящий филолог, классик, совершенно свободно говоривший и писавший по-латыни и по-древнегречески, не говоря уже о том, что он был знаток античной культуры и превосходный славист, не знавший себе равного. Но еще не все: Вячеслав Иванов был поистине великий мыслитель, писавший несравненные метафизические исследования и украсивший соответствующую литературу многими томами работ, где глубина и новизна мысли и проникновения в суть дела услаждают читателя потоком еще неизведанных духовных наслаждений, ибо тут что ни строка, то откровение, новая мысль, новые перспективы, а главное —

* Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Под редакцией Д. В. Иванова и О. Дешарт, с введением и примечаниями О. Дешарт. Изд. «Foyer Oriental Chrétien» т. I, Брюссель, 1971 (871 стр.).

изложенные на бесподобном русском языке, на каком еще, кажется, никто не писал. Можно удивляться только тому, что проф. В. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» не только не уделил ни одной строки этому гениальному человеку, но даже просто не упомянул о нем. Случай, увы, не редкий в летописях истории русской культуры.

Но с тем большим благоговением и сознанием исполненного долга мы здесь воздаем по заслугам великому мастеру, ученому и мистику-мыслителю и надеемся, что настоящий отзыв о первом томе полного собрания его сочинений будет только началом. Настоящий том представляет в полном смысле слова сокровищницу духовно-ювелирного дела. Он содержит: 1) великолепное введение; 2) повесть о младенчестве великого мастера; 3) повесть о Светомире-Царевиче; 4) «Кормчие звезды»; 5) «Поэт и чернь»; 6) «Ницше и Дионис»; 7) «Копье Афины»; 8) «Прозрачность»; 9) «Символика эстетических начал»; 10) «Кризис индивидуализма». От одного этого оглавления начинает сердце биться сильнее и всем существом овладевает жгучая и одновременно радостная жажда чтения, возникает предвкушение предстоящих духовных наслаждений, предчувствие взлетов «во области заочны».

В. И. Иванов (1866—1949) увидел свои дни в первопрестольной столице России Москве и был типичным сыном московской утонченнейшей культуры. Окончив гимназию и университет (в Москве) и сначала учась на историко-филологическом факультете у известного проф. П. Виноградова (впоследствии профессора Оксфордского университета), он впоследствии перешел в Берлинский университет к знаменитому проф. Моммзену, под руководством которого блестяще и до последних глубин изучил классическую филологию и древнюю историю. Докторская диссертация была им написана по-латыни («De societibus vestigalia populi Romani») — об обществах откупщиков в Древнем Риме. Труд этот произвел весьма благоприятное и сильное впечатление своей эрудицией, культурой и великолепным *классическим* латинским языком, на котором он был написан. Даже сухость темы лишь оттенила благородство стиля и высокую дисциплину умственного труда.

Однако подобного рода тем В. И. Иванов больше уже не касался — иные темы, иные духовные установки и измерения религиозно-метафизического и религиозно-философского типа на основе художественной их обработки овладели

всем существом великого маэстро. Сюда, конечно, надо отнести истолкование этой тематики и ее глубинные взятые в специфически эротическом смысле, так сказать, выноса за скобку мужески-женской любви и общности вкусов и установок, но еще и богословско-метафизических и философских манер вникания в сущность вещей. Перед Вл. Соловьевым Вяч. Иванов не только преклонялся (как одно время перед ним преклонялся Константин Леонтьев), но готов был считать великого русского философа-метафизика и поэта святым и праведником. Эту оценку гениального ученика следует, во всяком случае, принять во внимание, ибо тут с Вяч. Ивановым готов сходиться и В. В. Розанов, несмотря на ссоры и временные расхождения.

Гете и Фридрих Ницше были те из западных гениев, влияние которых Вяч. Иванов испытал, по-видимому, в наибольшей степени. Яркое выраженное поэтическое дарование символического типа сделало его одно время вершиной русского символизма. Это — знаменитый в свое время сборник стихов под заглавием «Кормчие звезды». Кстати сказать, в нем было, действительно, нечто звездно-символическое или, если угодно, астрологическое и даже роковое. Так же, как и у Фридриха Ницше, его любимой историософской и культурно-исторической темой было сопоставление Аполлона и Диониса, причем главной темой его был древний фракийский бог Дионис, где сочетаются эллинизм и славянизм. Его первым шедевром в этом направлении, сразу составившим ему имя и сделавшим эту тему модной — в известном смысле навсегда, как и «Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше, — была гениальная и блестящая книга «Эллинская религия страдающего бога». С этих пор синтез языческого дионисизма и христианской религии Креста стал неизбежным (то, о чем в свое время мечтал Бетховен, обдумывая свою Десятую симфонию, так и оставшуюся нереализованной).

Вскорости Вячеслав Иванов стал, и в известном смысле остается, центральным солнцем русского символизма и передовой поэтики со включением эллино-римских мотивов в изобилии. Посещение «сред» Вяч. Иванова, собиравших на его «башне», как не без основания была прозвана его квартира в Петербурге, превратилось в своего рода культурническое и литературно-символическое и поэтическое паломничество. Это было настоящее половодье, весенний, воистину дионисический разлив новорожденной РУССКОЙ

ЭЛИТЫ, в сущности созданной или, если угодно, порожденной из духовных недр этого удивительного, незабвенного человека. По своему духовному типу, по манере писать, говорить и преподавать к нему как будто бы ближе всех подходил Иннокентий Анненский, такой же, как и Вячеслав Иванов, превосходный классик-филолог. Вяч. Иванов и был профессором эллинистики, эллинских древностей и греческой литературы на Высших женских курсах, хотя сравнительно короткое время (1910—1912).

После заграничного путешествия (1912—1913) Вяч. Иванов поселяется окончательно в Москве, где его и застают революция, которой он сочувствовать не мог. Подобно Иннокентию Анненскому, переведшему Эврипида, Вяч. Иванов перевел превосходными стихами трагедии Эсхила. Вообще сравнительный, параллельный анализ творческой и переводческой деятельности Иннокентия Анненского и Вячеслава Иванова напрашивается сам собою, и давно уже пора его предпринять. С 1920 по 1924 г. Вяч. Иванов был профессором классической филологии во вновь основанном университете в Баку. Там же ему удалось опубликовать одну из своих лучших книг: «Дионис и прадионисийство». В 1924 г. начинается страннический, изгнанный период жизни, как и для огромного большинства русской элиты. Как и следовало ожидать, местом своей новой родины он избрал Италию, куда переселяется в 1924 г.

В 1931 г. появился французский перевод знаменитой диалогической книги «Переписка из двух углов», где было напечатано его открытое письмо к Du Vos, где он объясняет свой переход в римско-католическое вероисповедание, совершившийся при весьма торжественной обстановке в 1926 г. в соборе св. Петра в Риме. Профессорствовал по кафедре литературоведения в Павии (1926—1934), а потом был до конца жизни профессором в Pontificium Collegium Russicum, где преподавал также и автор этих строк. Умер в 1949 г.

Приходится удивляться, что такого превосходного классика-эллиниста не сделали ученым «тузом» именно по классической филологии. Автор этих строк догадывается, почему это случилось, но предпочитает о своей догадке умолчать, ибо «ходить бывает скользко — по камешкам иным».

Однако Вячеслав Иванов не только не скользит ни по каким камням, но еще, при первом случае, вовсе отделяется от земли в восторгах религиозно-эротического экстаза и ле-

тит все выше и выше, открывая себе такие горизонты, которых еще никто не открывал. Его товарищем по полету было о. Павел Флоренский, которого духовное дерзание тоже не знало ни пределов, ни удержу. Недаром один из гениальных своих очерков, полный историко-филологических ухищрений и грандиозной античной эрудиции, он посвятил Вяч. Иванову.

Для того, чтобы хорошо разобраться в каждом из этих столь родственных друг другу авторов и с пользой для метафизико-мистического познания горнего мира провести их сравнительный анализ, необходимо усвоить себе одну терминологическую деталь, которая, впрочем, не деталь, но нечто первостепенной важности, без чего и психоанализ религии Карла Юнга не мог бы состояться. Эта терминологическая деталь есть различие и, порой, противостояние «анима» (душа) и «анимус» (дух). Для Вяч. Иванова «душа» означает пассивно-женственную сторону, а термин «дух» — действительно-активную сторону человеческой личности как образа и подобия Божия. Но вместе с тем это как два заряда колоссального напряжения: один — положительный электрический, другой — отрицательный электрический, готовые сжесмгновенно произвести яркую молнию — одновременно животворящую и смертоносную, источник которой — божественный эрос, производящий «динамитные взрывы» (по выражению Н. А. Бердяева, толкующего эрос Достоевского), и произвести то «землетрясение души» (по выражению Генриха Гейне), без которого не только нет и быть не может творчества, но нет и быть не может жизни, в настоящем смысле этого слова. Это словно та «ракета», о которой с такой силой и энергией говорит увлекаемый ее подъемом-полетом гениальный кудесник Фет:

Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел — лелеять грезы,
И там со вздохом в высоте
Рассыпать огненные слезы.

Это и есть великая тема взаимоотношения экстаза и религии, тема, которой всю жизнь горел Вячеслав Иванов. По этому поводу великий мыслитель-поэт возвышенно любомудрствует: «Если дистанция между Богом и человеком остается после этого грозowego соприкосновения несумаленной,

то их взаимоотношение становится после этого качественно чем-то иным, чем-то, что древние италики называли словом „религия” (что, собственно, означает связь, соединение, даже вновь восстановление когда-то существовавшей, потом порванной связи)». Как тут не вспомнить блестящее метафизическое созерцание Мартина Бубера в его «Я и Ты». «Присутствует новый элемент как зародышевый зачаток того, к чему позднейшая созерцательность стремится под именем «*unio mystica*» (мистическое единение, чему Карл Юнг посвятил свои лучшие три тома и о чем мы впоследствии будем говорить). Отныне богословской рефлексии дана возможность истолковывать слово «*religio*» в более духовном смысле, выводя его из слова «*religare*». Тут не мешает вспомнить великолепный том прот. проф. Николая Боголюбова «Философия религии», украшение некогда Киевского университета.

С каким-то умиленным внутренним жаром говорит по этому поводу Вяч. Иванов: «Религия становится более интимной, когда человек научается говорить „Ты” тому, присутствие чего он ощутил в собственной груди — будь то как внезапное посещение, будь то как постоянное пребывание, которое его древний предок со священным трепетом почитал в Царе и провидце».

Совершенно особос случается с тем человеком, который одержим этим экстазом (его можно еще назвать «трансом», согласно проф. Б. П. Вышеславцеву, который здесь видел исток и причину «трансцензуса», исхода в совершенно иные миры. Сюда же относится, несомненно, и то «божественное безумие», о котором говорит Платон — воистину божественный).

С удивительной энергией и великим углублением в сущность темы говорит тут Вяч. Иванов. В этом пункте (и в ряде других) Вяч. Иванов подкрепляет себя Анри Бремоном. Находит он мощную опору и в уже цитированном Карле Юнге.

При своеобразии сожителства «духа» и «души», и о всех его неровностях и кризисах, которые, оставляя в стороне соответствующие намеки в мистической литературе, подслушали и разгласили не только поэты, как Поль Клодель (впервые рассказавший притчу о «душе» и «духе»), но и ученые, как К. Юнг, — вряд ли удивит допущение, что экстатические состояния, предполагающие повышенную восприимчивость, надо рассматривать как действие женского начала нашего

духовно-душевного существа. Ведь и в оргиастических культах элементы экстаза представлены главным образом женщиной. «В такие мгновения, — говорит Вяч. Иванов, — аніта, по-видимому, убегает от опеки мужского „я“, а последнее погружается в некоторого рода самозабвение. Тогда она блуждает, подобно Психее-сказке; она похожа и на Менаду, в диком безумии призывающую Диониса» (стр. 184).

Здесь Вяч. Иванов сближает античные мифы с библейскими сказаниями во внутренне весьма правдоподобном синтезе. «Как Ева восстанет из тела Адама во время его сна, так подлинная жизнь аніта пробуждается, лишь когда заглох огонь очага наших целесообразно и рассудительно действующих регулирующих и сдерживающих душевных сил» (стр. 184). Далее нечто весьма важное: «Развивающееся в ней тогда сомнамбулическое влечение решительно берет верх над сознательной частью нашего существа и вызывает параличи или летаргию анітус'а, и тем она начинает уже совсем походить на бешеных мужеубийц мифа. Ибо если в большинстве мифологии нельзя не подметить отражение обрядов, то это еще в большей мере относится к психологии, обосновывающей миф».

Кажется, еще ни разу не было среди мыслителей о религии и ее философов такого, который бы подошел с такой глубиной и серьезностью к основному морфологическому и литургическому ядру религии, как Вячеслав Иванов. И действительно, если, как нами было уже давно показано, религия есть триединство мифа, догмата и культа, то миф и культ являются действительной иконографией религии (ее активная иконография), а догмат — ее философией и метафизикой. Вячеслав Иванов как раз вскрыл глубинным анализом своим идеологический или идеократический момент в связи мифа и литургически-обрядового, мистериального действия неорелигии, как акта, реализующего догмат, и обратно — догмат, как реализующий мифо-иконологическую действительность или действительность. Насколько можно сделать это человеку — гению Вячеслава Иванова при содействии его необычайного литературно-поэтического дара удалось прозреть в существо религии, хотя это не значит, что в ней не осталось вовсе тайных, несосвященных углов. Как раз наоборот! И мы твердо убеждены в том, что дальнейшие анализы творчества Вяч. Иванова — как художественные, так и философско-метафизические, историософские и культурно-ис-

торические — готовят читателю не один, а много сюрпризов, духовных драгоценностей, еще не усвоенных, но которые остается лишь усвоить, освоить и подвергнуть дальнейшей углубленной и пристальной разработке.

Вчера во мгле неслись титаны
На приступ молнийных бойниц,
И широко сшибались станы
Раскатом громких колесниц;

А ныне, сил избыток знойный
Пролив на тризне летних бурь,
Улыбкой Осени спокойной
Яснет хладная лазурь.

Она пришла с своей кошницей,
Пора свершительных отрад,
И златотканой багряницей
Наш убирает виноград.

И долго Север снежной тучей
Благих небес не омрачит,
И пламень юности летучий
Земля, сокрыв, не расточит.

И дней незрелых цвет увядший
На пире пурпурном забвен;
И первый лист любезен падший,
И первый плод благословен.

В лице Вячеслава Иванова русская метафизическая поэзия дала наследника Пушкину и Тютчеву с их красотой осенних чар полновесного злато-багряного увядания. Но также в лице «Копье Афины» русская культура стала наследницей греко-римских классиков. Вот чем сверкает «Копье Афины» в руках Вячеслава Иванова:

«Ошибочно думают о новых исканиях в области художественного творчества те, которые объединяют их в понятие малого искусства, изначально и по существу рассчитанного на постижение немногих, в противоположность искусству большому, обращенному к толпе. Как между отдельными стадиями эпохи этих исканий и отдельными ее представителями,

так и в самом понятии малого искусства необходимы точные различения. Большого, всенародного искусства нет для современного человека, — быть может, потому, что нет самого современного человека, как сущего, то есть достигшего некоторого статического типа бытия; есть тип динамический, потенциальный и текучий, всецело принадлежащий потоку возникновения, генезиса, становления. Между тем большое, или всенародное, искусство нам было доселе известно только как отражение народного бытия в смысле статического момента в процессе эволюции, — как творческое истолкование уже созданного, как творчество вторичное. В нем художник — не зачинатель, а завершитель; орган непосредственного народного самосознания, он не имеет иной задачи, кроме раскрытия самоутверждения народного, когда это самоутверждение, в определенном цикле развития, уже закончилось и доколе оно еще не разложилось». — «Потому эпохи истинного большого искусства при высоком уровне народной культуры так редки и так кратковечны; зато монументальное бессмертие обеспечено его произведениям, часто вне прямой зависимости от гения отцов их. Ибо когда заговорит музыка соборной души, не скоро замирают ее отзвуки в соборной душе изменившихся поколений; да и самый язык соборной души всегда существенно один, как голоса стихий — гул горного обвала, рев водопада или набат морского прибоя». — «Статический и соборный характер эпох делает их по преимуществу эпохами стиля, который обычно напечатлевается на памятниках вполне самостоятельного и в себе завершенного зодчества и определяет в сфере повседневной жизни единство форм художества домашнего, чему примером может служить искусство древнейшей утвари и античных ваз строгого образца» (стр. 728).

Этими «бронзолъвами» самого великого мастера Вячеслава Ивановича Иванова заканчиваем мы здесь наш скромный очерк о нем.

Владимир Николаевич Ильин
ЭССЕ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Вступительная статья и составление
библиографии А. П. Козырева

Редактор *В. А. Попов*
Художественный редактор *Л. Е. Миллер*
Технический редактор *С. Г. Большаков*
Корректор *А. В. Келле-Пелле*

Сдано в набор 15. 12. 95. Подписано к печати 15. 11. 96
Формат 84×100 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,62. Тираж 3 000 экз. (1-й завод)
Заказ 3052

Издательство «Акрополь». Санкт-Петербург, ул. Марата, 40
Лицензия ЛР № 062461 от 24. 03. 93

Санкт-петербургская типография № 1 «Наука» РАН
Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12